

«Magnificat» в переводе и истолковании Мартина Лютера

Голубкин Ю. А.

Голубкин Ю. О. «Magnificat» у перекладі та тлумаченні Мартіна Лютера. У статті розглядається твір Мартіна Лютера «Magnificat». Він був направлений проти культу Діви Марії. Аналізуються аргументи Лютера. Стверджується, що спроби викорінення багатотисячолітніх традицій не можуть увінчатися миттєвим успіхом.

Ключові слова: Лютер, культ Діви Марії

Golubkin Y. A. «Magnificat» in Martin Luther's Translation and Interpretation. Martin Luther's work «Magnificat» is examined in the article. This work was directed against the cult of Virgo Mary. Luther's argumentation is analyzed. It asserted that the attempts of eradication of centuries-old traditions can not be crowned instantaneous success.

Key words: Luther, the cult of Virgo Mary

В о время своего вынужденного пребывания в замке Вартбург (конец мая 1521 – начало марта 1522 гг.) Лютер написал около тридцати работ. Одной из них было сочинение «Magnificat». Оно относится к числу экзегетических трудов и представляет собой перевод с латыни на немецкий язык и истолкование монолога Девы Марии из Евангелия от Луки (I, 46 – 55), который в Вулгате начинается словами: «Magnificat anima mea Dominum» («Величит душа моя Господа»). Этот монолог Дева Мария произнесла после того, как Елисавета, узнав о Ее избрании Господом для того, чтобы стать Матерью Сына Божьего, восхищенно воскликнула: «... благословенна Ты между женами!..» (Лук. I, 42).

Полное название сочинения Лютера – «Das Magnificat verdeutscht und ausgelegt» («Величание [Девой Марией Господа], переведенное на немецкий язык и истолкованное»)¹. Но в дальнейшем ради краткости изложения мы будем приводить первое латинское слово этого названия – «Magnificat».

В литературе лютеровский «Magnificat» оценивается очень высоко. Его называют одним из лучших сочинений Лютера², «трудом мастера»³, «перлом среди лютеровских истолкований Писания»⁴. И действительно, литературные достоинства этого сочинения и воплотившееся в нем мастерство Лютера-экзегета – выше всяческих похвал. Но, как и любая экзегетическая работа, сочинение Лютера многопланово. Лютер затрагивает в нем множество тем: «Всевластие

Бога в истории», «Бог и человек», «Дух, душа, тело», «смирение истинное и ложное», «дела человеческие», «шесть великих деяний Божьих», «Зерцало правителя» и т.д. И нередко случается так, что в поле зрения исследователей попадает прежде всего частокол этого разномыслия, в то время как на огражденное им строение и замысел того, кто его возводил, бросается лишь беглый взгляд. Поэтому попытаемся рассмотреть основную идею лютеровского сочинения и аргументы, приводившиеся Лютером для ее обоснования. Мы также намереемся ответить на вопрос о том, какой резонанс эта идея реформатора вызвала в немецком обществе.

Главная идея сочинения Лютера «Magnificat» вытекала из его учения об оправдании верой. В соответствии с ним человек не может собственными усилиями обрести небесное блаженство. Ни добрые дела, ни исключительные заслуги не помогут ему на пути к Царству Божьему. Небесное блаженство не завоевывается им, а даруется ему из милости Богом, Который ради преодоления греховности человеческого рода принес в Жертву Своего Сына. И человеку надлежит воспринять милость Божию своей верой. Монахи и священники, Папы и Церковные Соборы, миряне и рейхстаги могут ошибаться и ошибаются. Свободно от ошибок только Священное Писание. А его основное содержание сводится к возведению милости Божией.

В явном несоответствии с этим лютеровским учением был культ Девы Марии. Он утверждался на протяжении многих веков в результате сложного синтеза представлений о Ней в народе и в Церкви. И последняя нередко лишь фиксировала на «ученом» церковном языке то, что вызревало в сознании «немотствующего большинства» общества. Издревле, еще до признания Ее на Ефесском Соборе 431 г. Богородицей, Дева Мария пользовалась особым почитанием в народе. Второй Никейский Собор (787) провел различие между поклонением (*latría*) и почитанием (*dulcía*). В решениях этого Собора подчеркивалось, что поклонение должно воздаваться только Богу, а святых и Богородицу надобно почитать. Но затем Фома Аквинский высказал мнение, что Богородице надлежит оказывать «сверхпочитание» («*hyperdulcía*»)⁵.

А в народном сознании грань между почитанием, сверхпочитанием и поклонением Марии стерлась вообще. Народ прославлял Ее и как Пречистую и Пресвятую Деву, и как Царицу Небесную, и как Мать Церкви, «Ковчег Завета», и как духовную Мать всех людей. В Ней также видели идеальное воплощение женственности и материнства. Но самое главное – в глазах большинства людей Она была олицетворением неиссякаемого добра и милосердия. В Ней видели не только заступницу на будущем Последнем Суде, пред которым неизбежно предстанет каждый, но и отзывчивую, неутомимую помощницу во всех земных делах и бесчисленных людских неурядицах, бедствиях и катастрофах. Иконы с Ее Ликом были не только в каждом храме, но и в каждом доме.

После изнурительного трудового дня миллионы людей преклоняли перед ними колени и доверительно делились с Ней своими горестями, переживаниями и надеждами. В Ее честь возводились величественные соборы, отмечалось множество церковных праздников. Ее образ был запечатлен в картинах, фресках, скульптурах, религиозных драмах. Народ слагал о Ней сказания и легенды, в которых простосердечно восхвалялось Ее попечение о сирых и несчастных.

Таким образом, культ Девы Марии стал важной составной частью христианской традиции, прочно запечатлелся на узелках народной памяти и передавался из рода в род. А Ее «Magnificat», близкий по форме к ветхозаветным псалмам, уже в IV – V вв. был включен в число т. наз. «canticum» («гимнов», «славословий»), которые в совокупности с псалмами образовывали ядро духовных песнопений. И Лютер не мог не осознавать того, что его учение об оправдании верой в искупительную жертву Иисуса Христа сможет утвердиться лишь после того, как из народного сознания, из народных верований и чувствований будет искоренен культ Девы Марии.

Но ниспровержение с пьедесталов тех, кого чтит, кому поклоняется, пред кем преклоняется народ, нередко сопряжено с непредвиденными последствиями. Это задолго до Лютера понимали многие ниспровергатели традиций. Со школьных лет в нашей памяти запечатлелся рассказ Григория Турского о том, что перед принятием христианства королем салических франков Хлодвигом епископ Ремигиус обратился к нему с такими словами: «Склони смиренно голову, Сигамбер, поклонись тому, что ты сжигал (т. е. христианские святыни. – Ю. Г.), сожги то, чему ты поклонялся (т. е. языческих идолов. – Ю. Г.)». В ответ Хлодвиг сказал: «Охотно послушался бы я тебя, святой отец, но одно беспокоит меня – народ, который предан мне, может не потерпеть того, что я оставляю его богов». И лишь после того, как Хлодвиг созвал своих дружинников и услышал от них слова: «Милостивый король, мы оставляем смертных богов и готовы служить бессмертному Богу», он принял крещение сам и принудил к этому франков⁶.

Лютер не был королем, дружины у него тоже не было. И заставить кого бы то ни было принять свое учение об оправдании верой он не мог. Ему надо было увещевать, убеждать и склонять на свою сторону князей, рыцарство, городские магистраты, бюргерство и крестьян. И делать это он мог только очень осмотрительно. В сочинении «Magnificat» он нигде прямо не заявляет о необходимости ниспровержения культа Девы Марии. Он также не излагает свои аргументы логично и последовательно, один за другим. Может быть, он и не стремился к этому, так как в народном мироощущении эмоциональное преобладало над логическим. Пожалуй, это было и невозможно сделать в экзегетическом сочинении, где Лютеру надлежало придерживаться последовательности изложения евангелиста Луки, а не руководствоваться логикой своих собственных рассуждений.

Этим также можно объяснить ряд повторений, несогласований, да и явных противоречий, которые встречаются в тексте рассматриваемого сочинения.

Посмотрим же, при помощи каких аргументов Лютер пытался развенчать культ Девы Марии. Одним из главных положений учения Лютера был постулат «*sola scriptura*» («только [Священное] Писание»). Но некоторые стихи фрагмента Евангелия от Луки, который истолковывал Лютер, использовались католическими авторами как раз для обоснования культа Девы Марии. В этой связи Лютер пытался дать свой перевод и свою интерпретацию этих стихов.

Согласно Лук. I, 28, ангел, который принес Деве Марии благую весть, сказал: «... благословенна Ты между женами». Точно такие же слова произносит и Елисавета (Лук. I, 42). В этом контексте слово «благословенна» означает: «возвеличена», «вознесена», «восхвалена». И сама Мария, Которая, по Лук. I, 29, «смутилась от слов ангела», откликнулась на идущее из глубины души Елисаветы восклицание словами: «... отныне будут ублажать Меня все роды [за то], что сотворил Мне величие Сильный...» (Лук. I, 48 – 49) (Курсив наш. – Ю. Г.). Лютер же при переводе последней фразы придает ее смыслу совершенно иной оттенок: «*Darum werden mich seligpreisen alle kindeskinder ewiglich. Denn er hat grosse Dinge an mir getan...*» («И вовек будут ублажать меня все роды за то, что Он (Бог. – Ю. Г.) сотворил великие деяния *во мне*» (Курсив наш. – Ю. Г.). Обратим внимание: в переводе Лютера говорится не о величии Девы Марии, а о великих деяниях Бога. Дева Мария в таком контексте предстает лишь как вместилище этих великих деяний.

А теперь обратим внимание на то, какой образ Девы Марии предстает перед читателем уже не в лютеровском переводе, а в его истолковании текста Ин. I, 46 – 55. На немногих страницах своего сочинения Лютер называет Ее «ласковой матерью Христа»⁸, «нежной девой»⁹, «безгрешной»¹⁰. Восхищаясь Ее бесхитростностью и простодушием, он восклицает: «О, какое это простое, чистое сердце, какое чудесное дитя человеческел!»¹¹. Но чаще всего при характеристике Девы Марии Лютер употребляет латинское слово «*humilitas*». Оно имеет множество смыслов и оттенков: низкий, низменный, вышедший из низов, простонародный, незнатный, незначительный, ничтожный, маловажный, презренный, смиренный, покорный, раболепный, угодливый, малодушный, скромный, бесцветный. Средневековые теологи переводили слово «*humilitas*» как «смиренный». Употребляя его в сочетании с именем Девы Марии, они стремились возвысить в глазах верующих значение смирения как одной из главных христианских добродетелей.

Но затем Эразм Роттердамский заявил о том, что в греческом тексте Нового Завета слово «*tapeinosis*» означает не «смирение» Марии, а Ее «*parvitas*» [незначительность]¹². Разделяя отчасти это мнение Эразма, Лютер всячески подчеркивает, что Дева Мария относилась к низам

общества. Он пишет, что у Нее были «... бедные, презираемые, принадлежащие к низам [общества] родители... на которых никто из знатных не обращал внимания»¹³. И сама Мария, по словам Лютера, была «... скромной девушкой, которая хлопотала по хозяйству, ухаживала за скотом и, без сомнения, ничем не отличалась от теперешней бедной служанки, которая делает в доме то, что ей надлежит делать»¹⁴. Лютер также утверждает, что Она и после того, как стала Матерью Христа, продолжала вести такой же образ жизни, как и раньше: делала уборку в доме, готовила пищу, мыла посуду – как обычная служанка или домохозяйка. И в общении с другими женщинами и соседями она держала себя так же, как и раньше, не претендовала на что-то особенное

Но, подчеркнув, как и Эразм, незначительное положение Девы Марии в обществе, Лютер пошел дальше знаменитого гуманиста – до Ее унижения как личности. Его умиление простосердечием и скромностью Девы Марии сменяется утверждением о том, что «"humilitas" – это не что иное, как презираемое, незаметное, низшее существо...»¹⁶. «Я перевожу, – продолжает он, – словечко "humilitas" как "ничтожность" ("Nichtigkeit") или "невзрачное существо" ("unanseheliches Wesen"), поскольку мнение Марии таково: Бог обратил внимание на меня – бедную, презираемую, незаметную девушку, а мог бы вполне найти богатых, высокопоставленных, благородных, могущественных королей, дочерей князей и больших господ...»¹⁷.

Наряду с характеристикой общественного положения Девы Марии и Ее личности Лютер оценивает и Ее роль как Богоматери. «Отсюда, – подчеркивает он, – проистекает вся ее честь, все блаженство и то, что во всем роде человеческом она – одна-единственная среди всех; никто не равен ей в том, что у нее с Отцом Небесным есть Дитя – и Такое Дитя!.. Потому-то вся ее честь постигается в одном слове – Богоматерь»¹⁸. Конечно, это высказывание мало напоминает торжественное рокотание ангельских труб. Но и оно показалось Лютеру слишком «высоким», и он вкладывает в уста Девы Марии такие слова: «Я – только мастерская (Werkstatt), в которой творит Он (Бог. – Ю. Г.), и я ничего не привношу в Творение; поэтому меня не должен никто ни восхвалять, ни воздавать мне честь за то, что я стала матерью Божией; а надобно воздавать честь Богу и восхвалять Его Творение во мне»¹⁹.

К сравнению Пресвятой Девы Марии с мастерской (надо полагать, – по деторождению. – Ю. Г.) Лютер прибег через два года после того, как Рафаэль закончил свою "Сикстинскую Мадонну". Возможно, Лютеру не было известно это великое творение непревзойденного мастера. Но в громадном эмоциональном воздействии изобразительного искусства на массы Лютер имел возможность убедиться не раз. Стремясь нейтрализовать это воздействие, он не только, как отмечалось выше, называл Деву Марию «невзрачным существом», а и порицал художников за то, что они воплощают в Ее образе только

величественное и абстрагируются от того, что достойно пренебрежения²⁰. Осуждает Лютер и авторов книг – «чрезмерных восхвалителей Девы Марии». Он считает их «... бесполезными болтунами», которые не видят того, что в Ней сближаются безмерное богатство Божие с ее безмерной бедностью, Божественная слава с ее ничтожеством, Божественное достоинство с ее недостойнством, Божественное величие с ее незначительностью, Божественное благо с отсутствием у нее заслуг, Божественная милость со скудостью ее [возможностей]...»²¹.

И, наконец, как бы суммируя все сказанное им о Деве Марии, Лютер замечает: «Ее называют Царицей Небесной. Это так, но ... она все же никакой не кумир, который может [что-то] даровать или помогать, как считают некоторые, взывающие к ней больше, чем к Богу, и взыскующие [у нее] убежища... Она ничего не дарует»²².

Но, быть может, обездолженным и страждущим следует рассчитывать на то, что им протянут руку помощи люди? – Нет, – отвечает Лютер, – глаза людей устремлены ввысь – «... к почету, силе, богатству, учености, благополучию и всему тому, что велико и высоко... но никто не хочет посмотреть в глубину – туда, где встретишься с бедностью, поношением, нуждой, стенанием и страхом; от этого каждый отводит глаза»²³. И только Бог, по словам Лютера, – Единственный, Чей взор устремлен «в глубину» («in die Tiefe»), Кто «... видит нужду и горе и близок всем, находящимся в глубине»²⁴. Но как может Бог помочь людям? Как помогает Он им?

Ответы Лютера на эти вопросы не отличаются новизной. Он, по сути, повторяет основные положения средневековой историографии. Он считает незыблемыми отношения господства в земном мире одних и подчинение им других. Он утверждает, что упования людей должны связываться только с всемогущим Богом. Но и Он, уточняет Лютер, не разрушает престолы, а лишь низвергает с них сильных²⁵. Да и это происходит не так быстро, как они заслуживают²⁶. Бог, по словам Лютера, сокрыто направляет ход истории путем свержения одних правителей другими и разрушения одних держав посредством других. Для подтверждения этого тезиса Лютер ссылается на предложенную св. Иеронимом и принятую средневековой историографией периодизацию всемирной истории по четырем, сменявшим друг друга, монархиям: Ассиро-Вавилонской, Мидо-Персидской, Греко-Македонской и Римской. Так, считает Лютер, по воле Божией, одни царства приходили на смену другим, но неизменными оставались и останутся в земной жизни «престолы». Столь же неизменным установлением Божьим, по мнению Лютера, является и социальное неравенство. «На земле, в этой жизни, – писал он, – должны оставаться различия людей и сословий»²⁷.

Актуальною во все времена проблему бедности и богатства Лютер в сочинении «Magnificat» рассматривал прежде всего в сотериологическом плане. Он утверждал, что и бедные, которые стремятся к богатству, и богатые, которые им владеют, находятся в

одинаковой опасности: первые могут потерять Царство Небесное, если их сердце будет убегать от низкого состояния и бедности, а вторые, – если оно будет прилепляться к богатству²⁸. Подлинно же богатым, по Лютеру, сможет счесть себя лишь тот, кто обретет Небесное сокровище, – блаженную жизнь в вечном Царстве Божиим. А это нетленное сокровище, считал Лютер, человек сможет обрести лишь посредством истинной веры. И в качестве образца такой веры для всех христиан Лютер представлял веру Девы Марии. Она услышала обетование Божие, т. е. предсказание того, чего еще нет, после чего начинается время ожидания. А оно у многих людей порождает не только веру и надежду, но и сомнения. Вера же Девы Марии сомнений не ведала. Ее чистая душа восприняла волю Божию самозабвенно, с величайшим смирением. И эта смиренная вера, по словам Лютера, учит нас, как надобно любить и восхвалять Господа²⁹.

Таким образом, в лютеровском сочинении «Magnificat» Дева Мария предстала перед читателями в новом облике – как обычный человек из простонародья, удостоенный без каких бы то ни было собственных заслуг милости Божией, и наряду с этим как образец не омрачаемой даже тенью сомнения веры во всемогущество Божие. Лютер писал, что Дева Мария пела свою «Величальную песнь Господу» «... не для себя одной, а для всех нас, чтобы мы подпевали ей»³⁰. Но упование реформатора-дирижера на то, что хор сразу же дружно подхватит песнь Девы Марии – «Magnificat», послушно повинувшись движению его дирижерской палочки, не оправдалось. Несмотря на осторожность, с которой он расшатывал трон Девы Марии, непредвиденные последствия его попытки подвергнуть сомнению традиционный культ дали о себе знать в самом скором времени. Вместо слитного пения хора уже в 1521 – 1524 гг. во многих городах Германии произошли иконоборческие движения. В пламени костров горели иконы с изображениями Девы Марии, молоты иконоборцев крушили Ее статуи. И Лютеру уже в декабре 1521 г. пришлось браться за перо и писать «Открытое увещание ко всем христианам воздержаться от смуты и мятежа».

Примітки

¹ *WA.* – Bd. 7. – S. 544 – 604.

² *Hövelmann, Hartmut.* Zu diesem Heft / H. Hövelmann // *Luther.* – H. 3, 2001. – S. 119.

³ *Bornkamm, Heinrich.* Martin Luther in der Mitte seines Lebens / H. Bornkamm. – Göttingen, 1979. – S. 20.

⁴ *Lohse, Bernhard.* Martin Luther. Einführung in sein Leben und sein Werk / B. Lohse. – München, 1981. – S. 137.

⁵ См.: *Klauser R.* Heiligenverehrung. II. Christliche Heiligenverehrung / R. Klauser // *RGG.* – Bd. 3. – Sp. 174.

⁶ Цит. по: *Dassmann, Ernst*. Die Anfänge der Kirche in Deutschland. Von der Spätantike bis zur frühfränkischen Zeit / E. Dassmann. – Stuttgart-Berlin-Köln, 1993. – S. 161.

⁷ *WA*. – Bd. 7. – S. 546.

⁸ *Ibid.* – S. 548.

⁹ *Ibid.* – S. 561.

¹⁰ *Ibid.* – S. 573.

¹¹ *Ibid.* – S. 575.

¹² См.: *Bell, Theo*. Das Magnificat – verdeutscht und ausgelegt durch D. Martin Luther: Vorrede und Eingang / T. Bell // Luther. – H. 3, 2001. – S. 134.

¹³ *WA*. – Bd. 7. – S. 548 – 549.

¹⁴ *Ibid.* – S. 549.

¹⁵ *Ibid.* – S. 575.

¹⁶ *Ibid.* – S. 560.

¹⁷ *Ibid.* – S. 560 – 561.

¹⁸ *Ibid.* – S. 573.

¹⁹ *Ibid.* – S. 575.

²⁰ *Ibid.* – S. 569.

²¹ *Ibid.* – S. 570.

²² *Ibid.* – S. 574 – 575.

²³ *Ibid.* – S. 547.

²⁴ *Ibid.* – S. 547 – 548.

²⁵ *Ibid.* – S. 590 – 591.

²⁶ *Ibid.* – S. 590.

²⁷ *Ibid.* – S. 589.

²⁸ *Ibid.* – S. 593.

²⁹ *Ibid.* – S. 548.

³⁰ *Ibid.* – S. 553.

**Життя та діяльність земських учителів:
історіографія проблеми
(друга половина XIX – початок XXI століття)**

Жуков С. М.

Жуков С. Жизнь и деятельность земских учителей: историография проблемы (вторая половина XIX – начало XXI века). В статье рассматривается историография жизни и деятельности земских